

На правах рукописи

Загидулина Татьяна Андреевна

Трансформация авиационного дискурса в литературе 20-30-х годов XX века

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре мировой литературы и методики её преподавания в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор,
Ковтун Наталья Вадимовна

Официальные оппоненты **Марков Александр Викторович**, доктор филологических наук, доцент, ФБГОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва), профессор кафедры кино и современного искусства:
Хрящева Нина Петровна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г.Екатеринбург), профессор кафедры литературы и методики её преподавания

Ведущая организация: ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится «28» марта 2019 года в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=288324>

Автореферат разослан «___» _____ 2019 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена анализу авиационного дискурса в русской литературе и публицистике 20-30-х гг. XX века. Рассмотрение данного периода актуально вследствие смены культурной парадигмы, вызванной социальными катаклизмами – Революцией и Гражданской войной.

В работе проведено исследование трансформации авиационного дискурса в текстах первой трети XX века. Выявлены его элементы, описаны механизмы конструирования и пути качественных изменений, а также взаимосвязь с общекультурными тенденциями.

Степень научной разработанности проблемы.

Рассмотрение художественной литературы и публицистики об авиации является сегодня популярным и в то же время не до конца разработанным направлением. Это обусловлено серьезной рефлексией над советской эпохой и литературой социалистического реализма (соцреализма), а учитывая, что дискурс авиации – один из центральных тематических блоков советского текста, становится ясно, что без детального его изучения невозможно выстроить объективную структуру соцреалистической культуры.

Анализу конкретных образцов литературы авиационной тематики посвящено немало работ. В русле мифологического осмысления явления авиации выполнены культурологические работы Е. А. Желтовой: «Культурные мифы об авиации в первой трети XX века» (2007), «Авиация в России в период первой мировой войны: рождение нового культурного мифа» (2007).

Образная система текстов, включенных в авиационный дискурс, стала объектом пристального внимания целого ряда авторов: М. Л. Гаспарова «"Поэма воздуха" Марины Цветаевой» (2001), В. В. Мароши «Дионисийские мотивы в литературной неомифологии авиатора» (2005), В. Волкова «Покорение воздушного пространства и техники личности сталинского времени» (2006), Ю. Левинга «Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух

антологиях советской «авиационной» поэзии» (2005), О. Никоновой «Как из крестьянки Гайдиной сделать Марину Раскову, или о теории и практике воспитания советских патриотов» (2011), З. С. Антипиной, А. А. Арустамовой «Пермь в Нью-Йорке: пароходный гудок, самолетный гул» (2013). Особенности воплощения образов летчиков касаются в своих трудах К. Кларк, Е. Добренко, Х. Гюнтер, но эти образы вписаны в соцреалистический канон, являясь материалом исследования наряду с текстами иной тематики.

Работ, посвященных целостному анализу авиационного дискурса в русской литературе и публицистике 20-30-х годов, на сегодняшний день не выявлено.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые на примере художественной литературы, мемуаристики и публицистики 20-30-х годов XX века предпринята попытка системного описания темы авиации в текстах в нарративном, типологическом и структурно-семиотическом аспектах.

Материалом данного исследования явились знаковые для избранной темы тексты:

Публицистика и мемуаристика: Г. Байдуков «Первые перелёты через ледовитый океан. Из воспоминаний летчика», Ю. Фучик «Завоевание Северного полюса», М. Раскова «Записки штурмана».

Поэзия: П. Герман «Авиамарш», В. Маяковский «Летающий пролетарий», «Москва-Кёнигсберг», «Разве у вас не чешутся обе лопатки?», «Даёшь мотор», С. Яковлев «Аэроплан», В. Каменский «Лётчики-молодчики», В. Брюсов «Штурм неба», «На полётах», «К стальным птицам», А. Блок «В неуверенном зыбком полете», «Авиатор», М. Крюкова «Сказание о Ленине», Д. Кедрин «Сказка про белую ведмедь».

Проза: В. Катаев «Летят», Л. Андреев «Полёт», В. Каменский «Аэропророчество», А. Платонов «Счастливая Москва», М. Зощенко «Опасные связи», «Черт», «Агитатор», «Браки заключаются на небесах», «На Парнасе», М. Булгаков «Киев-город», К. Минаев «Летуны», В. Саянов «Небо и земля»

Драматургия: М. Булгаков «Адам и Ева».

Отбор материала обусловлен прежде всего репрезентативностью произведений с точки зрения избранной тематики

Объект исследования – тексты авиационной тематики 20-30-х годов.

Предмет исследования – трансформация авиационного дискурса в литературе и публицистике 20-30-х годов.

В фокусе представленной работы находится семиотизация элементов авиационного дискурса, тесно взаимосвязанных в текстовой и нетекстовой реальности. Рабочим определением дискурса в контексте данного исследования является дефиниция В.Е. Чернявской – «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов». Нас интересует мифологизация политических, культурных, социальных реалий и процессов в авиационном дискурсе: формирование образа летчика, создание оригинальных пространственных моделей в текстах авиационной тематики. Таким образом, привлечение для анализа авиационного дискурса произведений, относящихся к разным родам литературы, вполне обосновано, учитывая их тематическую общность.

Цель работы – выявить и описать механизмы конструирования авиационного дискурса в литературе и публицистике 20-30-х годов, вобравшей в себя опыт создания и воплощения новой художественной реальности, вызванный сменой культурных парадигм.

В соответствии с целью поставлены следующие конкретные **задачи**:

1. Представить анализ культурных представлений о полете через призму мифов о героях, преодолевающих воздушное пространство.
2. Выявить элементы авиационного дискурса в литературе первой трети XX века.
3. Представить трансформацию образа летчика в русской литературе 20-30-х годов XX века.

4. Рассмотреть тексты авиационной тематики как инструмент колониальных практик СССР.

Методология исследования

Исследование авиационного дискурса подразумевает междисциплинарный подход. Многоаспектный характер анализа предполагает использование различных методов, в том числе и дискурсивного анализа. Само понятие дискурса – ключевое для данной работы, многозначно, подход к его изучению интегративен.

В основе методологии настоящей работы лежит идея М. Фуко, описанная в труде «Археология знания». Философ говорит о границах (книги, дискурса), дискурсивном событии, дискурсивном поле. Дискурсивный анализ подразумевает поуровневое изучение объекта: на уровне коммуникативного акта, отдельного текста, глубинного макросемантического анализа текста, экстралингвистического анализа, а также межтекстового анализа. Это позволяет рассматривать тексты разнородные формально, но близкие содержательно, объединенные темой авиации.

Метод дискурсивного анализа наиболее актуален для данного исследования в силу ориентированности на широкий контекст, что позволяет произвести объективную реконструкцию объекта – авиационного текста русской литературы 20-30-х годов XX века.

Дискурсивный анализ следуют отличать от дискурс-анализа. Сами термины «дискурсивный анализ» и «дискурс-анализ» на данный момент не получили однозначных дефиниций. Стоит, однако, заметить, что в основе метода дискурсивного анализа лежит «зависимость речевого произведения от различных экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего», дискурсивный анализ «включает определение условий появления и функционирования высказывания, его границ, концептов и связей с другими высказываниями». Под дискурс-анализом подразумевают комплексный подход, включающий философские предпосылки, затрагивающие роль языка, методологию выбора

подхода к исследованию. Для нашей работы актуален термин «дискурсивный анализ» как более конкретный и обоснованный в поле литературоведческих изысканий, при этом включающий работу в рамки междисциплинарной парадигмы.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых:

– в области осмысления сущности дискурса – работы Н.В. Близнюк «Дискурс культуры в поэтическом творчестве Л.Н. Мартынова: семантика, функции, способы воплощения» (2010), М.А. Зиминой «Дискурс безумия в исторической динамике русской литературы от романтизма к реализму» (2007), Е.Н. Куницыной «Дискурс свободы в русской трагедии последней трети XVIII-начала XIX вв» (2004), Е.Ю. Сафроновой «Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846-1862 гг» (2003), М. Балиной «Дискурс времени в соцреализме» (2000);

– в области семиотики пространства – Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, В. Н. Топорова.

– в области осмысления художественного метода социалистического реализма – «Культура 2» (1985) В. Паперного, работа Б. Гройса «Утопия и Обмен (Стиль Сталин. О Новом. Статьи)» (1993), сборник статей «Соцреалистический канон» (под общ. ред. Гюнтера Х., Добренко Е.) (2000), монография Н. Ковтун «Русская литературная утопия второй половины XX века (2005), работы Е. Добренко: «Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении» (1993), «Формовка советского читателя» (1997), «Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры» (1999), «Aesthetics of Alienation: Reassessment of Early Soviet Cultural Theories» (2005), «Политэкономия соцреализма» (2007), «Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив» (2008); а также сборники статей «Socialist Realism without Shores» (сост. Е. Добренко, Т. Лахусен) (1997), «Endquote: Sots-Art Literature and Soviet Grand Style» (сост. Е. Добренко, М. Балина, Н. Конде) (1999), «Советское богатство. Статьи о культуре, литературе и кино» (сост.

Е. Добренко, М. Балина, Ю. Мурашов), «Soviet Culture and Power: A History in Documents, 1917-1953» (сост. Е. Добренко, К. Кларк, А. Артизов и О. Наумов) (2007) и др.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Подходы, гипотезы и результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего научного анализа обозначенных, но подробно не раскрытых проблем как самой этой темы, так и родственных тем.

Практическая значимость исследования.

Основные выводы и рекомендации могут находить применение в преподавании соответствующих разделов курсов «Истории отечественной литературы», «Литературы и культуры соцреализма», «Культурологии».

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается за счет обращения к широкому кругу источников. Она также обусловлена детальной проработкой литературы по теме диссертации, применением методов, актуальных на данном этапе развития литературоведения и адекватных цели и объекту. Достоверность подтверждается апробацией результатов на конференциях различного уровня.

Актуальность предпринятого исследования вызвана приоритетным вниманием современных гуманитарных наук и, в частности, литературоведения к новой советской мифологии, о чем свидетельствует немалое количество работ, посвященных литературе и культуре выделенного периода. Актуальность работы обусловлена также и тем, что литературный материал 20-30-х годов представляет собой поле вторичной семиотизации¹ феномена авиации, это связано с возникновением Советского государства и формированием принципиально нового типа культуры, выстроенной в иных смысловых рамках, чем досоветская.

Апробация работы. В ходе проведения исследования его результаты неоднократно обсуждались на всероссийских и международных

¹ Периодом первичной семиотизации можно считать 1910-е годы XX века, именно тогда происходит осмысления места авиации в русской культуре.

конференциях. Основные положения диссертации были изложены в докладах, представленных на конференциях различного уровня:

Результаты диссертационного исследования были представлены в рамках следующих научных мероприятий: Международная конференция «Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики» (г. Томск, ТГУ, апрель 2015), Международный научный семинар «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (г. Красноярск, СФУ, 16-19 ноября 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Язык и культура этноса» (г. Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 19 ноября 2015 г.), I Международный научный форум «Сибирский филологический форум» (г. Красноярск, КГПУ им. В.П. Астафьева, 24-28 октября 2016 г.), Научно-практическая конференция с международным участием «XVII Красноярские краевые рождественские образовательные чтения «Князь Владимир. Цивилизованный выбор Руси» (г. Красноярск, 15-16 января 2017 г.), Международная конференция «Сюжетология и сюжетографи-4» (г. Новосибирск, СО РАН, Институт филологии, май, 2017 г.), Международная конференция «ЯЗЫК, РЕЧЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ (онтологические и гносеологические концепции) посвященной 85-летию со дня рождения философа-лингвиста, академика ЭДУАРДА АТАЯНА» (г. Ванадзор, республика Армения, июнь, 2017 г.), Международная научно-практическая конференция «Ленд-лиз. Маршруты взаимодействия против общего врага. 75 лет Красноярской воздушной трассе (Аляска-Сибирь). 1942-2017 гг» (г. Красноярск, 10-11 ноября 2017 г.), XVIII международная научная конференция «Язык и культура» (г. Томск, 25-27 сентября 2017 г.), Научно-практическая конференция с международным участием «XVIII Красноярские краевые рождественские образовательные чтения «1917-2017: уроки столетия» (г. Красноярск, январь, 2018 г.), I Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Initium. Художественная литература: опыт современного прочтения» (г. Екатеринбург, УрФУ, 5 апреля 2018 г.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Авиационный дискурс в русской литературе формируется в 1910-е годы XX века. Это связано с появлением самого феномена авиации. На протяжении 1920-х и 1930-х годов он трансформируется в силу изменения социально-политических условий (Гражданская война, Революция), таким образом, можно говорить о трех стадиях семиотизации компонентов авиационного дискурса: период 1910-х, период 1920-х, период 1930-х.

2. Значимыми компонентами авиационного дискурса являются образ летчика (его функции, место авиатора в социальной иерархии, роль летчика в репрезентируемой в текстах соцреалистической истории на стадии формирования и развития соцреалистического канона), пространственные модели, связанные с полетом на самолете/аэроплане, создающиеся в рамках построения новой ментальной карты государства.

3. Трансформации авиационного дискурса в 1920-1930-е годы совпадают с трансформациями культурной парадигмы исследуемого периода. Горизонтальность культуры 1 сменяется иерархичностью культуры 2, соответственно, меняются функции авиации и авиаторов. В дискурс привносится колониальный пафос.

4. Авиационный дискурс – один из значимых способов конструирования ментальной карты молодого советского государства в силу того, что неотъемлемой частью текстов авиационной тематики являются пространственные построения. Постепенно возвышаясь, в 30-е летчик репрезентируется как сверхчеловек, достойный места на вершине героической иерархии, появляется новый инструмент создания новой географии, включенный в авиационный дискурс.

В текстах интересующей нас тематики разворачивается тема присвоения Арктики, а образ летчика наделяется новыми знаковыми функциями – он становится связующим звеном между колонией и метрополией.

Структура диссертации. В соответствии с целями и задачами исследования работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 214 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее новизна, актуальность, выполняется постановка цели и вытекающих из нее конкретных задач, обозначается методология, сформулирована теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Формирование авиационного дискурса в русской литературе первой трети XX века» посвящена исследованию генезиса авиационного дискурса в русской литературе первой трети XX века. Глава состоит из двух параграфов. **Первый параграф** «Роль мифа в осмыслении исторических представлений о полете. От мифа к дискурсу» включает в себя историческое осмысление понятия «миф» и конкретно мифа о полете. Полет в донаучную эпоху был немислимым, сакральность небесного пространства не предполагала присутствия там человека; только существа, имеющие нечеловеческую природу, могли претендовать на причастность к высшим сферам. Научное осмысление мира влечет за собой и переосмысление пространственных координат. Уже в работах К. Циолковского появляется совершенно новая интерпретация понятий «верх» и «низ», ученый обосновывает их относительность в безвоздушном пространстве, которое благодаря достижениям науки стало мыслимым. В параграфе также типологизируется феномен полета в культуре, выделяются полет физический и полет духовный, в фокусе нашего внимания находится первый.

Во втором параграфе «Генезис авиационного дискурса в творчестве русских авторов начала XX века» дана ретроспектива формирования авиационного дискурса, литература начала века рассматривается как одно из оснований формирования элементов авиатекста первых постреволюционных десятилетий.

Авиационный дискурс в русской литературе зарождается в начале XX века вместе с появлением феномена. 1910-е годы можно назвать периодом первичной семиотизации: появляются первые репрезентации авиатора, аэроплана, полета. В данном параграфе проанализированы поэтические произведения А. Блока, В. Маяковского, П. Германа, В. Брюсова, В. Каменского, С. Маршака, прозаические сочинения Л. Андреева, А. Куприна, В. Каменского. На материале текстов 1910-х – начала 1920-х годов рассмотрен процесс формирования авиационного дискурса, выявлены его элементы, а также инструменты конструирования. Необходимость данного исторического экскурса обусловлена важностью выявления первичных значений образов, мотивов и сюжетов, связанных с авиационным дискурсом.

Формирующийся миф об авиации вписывается в картину мира, отраженную в текстах. В 1910-е годы складывается два взгляда на авиацию: в рамках первого, опирающегося на традиционное мировоззрение, нахождение человека в небе губительно и греховно, полет не несет прагматической функции, служит лишь для развлечения, опасен для человека – вторжение в сакральное пространство неба должно быть наказуемо. Вторая, футуристическая, точка зрения изначально менее популярна, однако впоследствии в ортодоксальной советской литературе станет продуктивной. Она основывается на принятии научно-технического прогресса и его достижений. В рамках неконсервативного мировоззрения небо не таит в себе опасности, хотя все еще остается сакральным, летчик, приобщаясь к нему, даже в момент физической смерти сохраняет статус присутствия в мире, приобретает божественные черты.

Приращение смысла к уже приведенным концепциям привносит Первая мировая война. Тогда у авиации появляется две противоположные функции – убийство (как убийцы воспринимались вражеские самолеты, сбрасывающие бомбы) и защита (соответственно, свои самолеты, парящие на страже интересов Родины).

После войны, уже в новом государстве, наступит период вторичной семиотизации, траектория восприятия летчика, полета и аэроплана станет в идейном смысле более однородной.

Во **второй главе** «Образ летчика в литературе 1920-х – 1930-х годов в контексте культуры авангарда и соцреализма: трансформации» проанализированы особенности изменения образа авиатора в неортодоксальной и ортодоксальной советской литературе 1920-х-1930-х годов. Сопоставлены модели создания образа авиатора, воспроизведенные М. Зощенко, М. Булгаковым, К. Минаевым, И. Ильфом и Е. Петровым, с моделью, воплощенной В. Саяновым в типично соцреалистическом романе «Небо и земля».

В **первом параграфе** «Символика образа авиатора в рассказах М. Зощенко 20-х – 30-х годов» выявлено, что для рассказов М. Зощенко 1920-1930-х годов характерна тенденция к мировоззренческому отдалению обывателя от новой советской культуры, нового мифа, созданного в постреволюционном государстве. Фрустрирующий обыватель угнетен и обделен, лишен духовной силы, права на продолжение рода. Дети как люди будущего не могут расти в безыдейной семье, отсюда развитие идеи сиротства, где молодого человека на верную дорогу жизни выводят мудрые учителя и наставники.

Образ авиатора прямо противоположен образу филистера. В рассказах 1920-х годов летчик непознаваем и неузнаваем: его принимают за черта («Чёрт»), о нем невозможно рассказать («Агитатор»). Авиатор награждается отдельностью, нечеловеческими силой и выносливостью, обладает возможностью самостоятельно принимать решения (доставка бабки Анисьи в деревню в рассказе «Чёрт»). В 1920-е, однако, нет еще противоречий между обывателем и летчиком – они существуют параллельно. В «Опасных связях» (1936) этот конфликт станет сюжетообразующим.

В 1930-е происходит уточнение и типологизация образа авиатора. Он является представителем власти, выразителем ее идей и желаний («Браки заключаются на небесах»), его воля – больше не его воля. Авиатор

награждается полубожественными чертами («Опасные связи», «Браки заключаются на небесах») и не вступает ни в какие взаимоотношения с обывателем, не пересекается с ним, пребывает в мире неомифологического Космоса (тогда как обыватель не может совершить исход из пределов древнего Хаоса), либо выигрывает в схватке без участия сторон («Опасные связи»). Упорядочивание функций и обязанностей настоящего героя является одним из инструментов конструирования Космоса 1930-х годов, вертикализации культуры.

В 1920-е авиация существует как бы параллельно миру обывателя, в 1930-е этот мир уже четко иерархизирован, а филистер «знает свое место». Обыватель приобщался к новому посредством слова, его врезанность в пространство «угла», малость, идейная ограниченность исключали перспективу освоения «светлого будущего». Это углубляло пропасть между сверхчеловеком-героем, «оторванным от земли», и вычеркнутым из нового бытия «просто-человеком». Динамика сверхлюдей традиционно противопоставляется статике остальных граждан.

Во **втором параграфе** «Трансформация образа авиатора в прозе М. А. Булгакова 20-30-х годов» выявлено, что в творчестве М.А. Булгакова образ летчика изменяются в соответствии с общей тенденцией изображения авиатора. Ненужный, мертвый, не сделавший ничего и погибший ни за что человек модифицируется в надежного и организованного исполнителя воли государства, он нуждается во власти над самим собой, ищет ее целенаправленно.

Противопоставлены образы авиаторов и по принципу индивидуального-коллективного. Дараган («Адам и Ева») может существовать только в контексте сильного и организованного «мы», тогда как погибший летчик из фельетона не может существовать вообще. Утилитаризм образа авиатора 1930-х годов встраивается в соцреалистическую парадигму.

Третий параграф «Образ авиатора в детской литературе начала XX в.» посвящен осмыслению феномена в контексте детской литературы.

Наиболее репрезентативна в этом отношении повесть К. Минаева «Летуны» (1926), сюжет которой строится на перемещении ребёнка на аэроплане из деревни в город, где он сможет стать полноценным членом новой семьи, знаковым моментом будет полное отречение главного героя от ценностей своей кровной семьи ради вхождения в новую общность.

В детской литературе достаточно четко обозначены функции летчика: он проводник между мирами города и деревни, реальности и коммунистической утопии. Причем мир деревни маркируется как мир мертвых, соответственно, летчик обретает функцию психопомпа, однако перемещение приобретает прямо обратное значение. Символическая смерть ребенка в реальном пространстве села оборачивается его продуктивной жизнью в мире коммунистической утопии. Срединное положение авиатора обозначено в тексте и отсутствием принадлежности к партии.

Логическим выводом, следующим из **параграфа** «Образ летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов» является то, что авиатор – ключевое связующие звено между землей и небом, центром и периферией, он может стать проводником не только идей, но и людей, самых достойных, способных уподобиться авиаторам, как когда-то те, прикоснувшись к сакральной фигуре Вождя, уподобились ей, и поэтому стало возможным существование соцреалистической утопии въяве.

Неотъемлемой частью авиационного дискурса является языковой аспект осмысления темы авиации. Эта сторона вопроса подробно проанализирована в **параграфе** «Ортодоксальная фразеология: отражение моделей создания образа на языковом уровне». На образно-выразительном уровне авиатор представлен фразеологизмом «сталинский сокол». Образ сокола имеет архетипическое наполнение. Учитывая связь советской мифологии с разнообразными мифологическими системами, можно, исходя из оригинальной номинации, сделать вывод о функциях летчика как защитника, жениха, а также воина, реализующего идеи свободы, света, противостоящего обывателю, подобно соколу из «Песни о Соколе» М. Горького, который идеологически противостоит ужу, неспособному

находиться в пограничных пространствах. Лиминарность бытия «сталинского сокола» сближает его с главными сверхлюдьми Советского союза – Лениным, Сталиным и другими руководителями высшего порядка, что отчетливо видно в текстах М. Крюковой: «На коне сидит да наш ясен сокол,/ На имя Клим да Ворошилов-свет». В сказе «Но твоим заветом все пополнилось» автор рисует картину рая-утопии: «В небе наши парни-соколы,/ Наши девки водят тракторы,/ И живем мы домом – полной чашею,/ И в руках у нас работа спорится,/ И в сердцах у нас любовь горит/ За твою борьбу, за подвиги». В этом физически воплощенном раю мужчина будто должен парить в небе, подобно соколу. Или стать соколом. Приобщиться к небесному, что невозможно без исполнения заветов Ленина, которые отсылают к мыслям о священном писании (или становятся неким священным текстом новой эпохи). В том же сказе используется развернутая орнитологическая метафора деяний вождей: «О твоим заветам-завещаньицу/ Нас ведет ко счастью Сталин наш./ От орлов орлята нарождаются,/ У соколов – полеты соколиные,/ Океан да с океаном – братья кровные./ Сталин Ленину да кровный брат/ По работе, по размаху по орлиному,/ По полету, по простору соколиному»

Анализ сатирической литературы, интересующей нас тематики (**параграф** «Образ авиатора в сатирической литературе 30-х годов»), дает основание полагать, что авиация является неизменным атрибутом описываемой эпохи, ее символом, а летчик – героем-бессребренником, человеком с «творческой сверхзадачей», стоящим на верхних ступенях иерархии, что характерно для ортодоксальной литературы 1930-х, но соцреалистическая вертикаль (Сталин, герои социалистического труда, трудящиеся), описанная Х. Гюнтером, проникает и в произведения иной художественной стилистики. Авиационный дискурс вписывается в сатирическую литературу, оставляя неизменными основные значения своих компонентов.

Седьмой параграф второй главы «Гендерный аспект в авиационной литературе 30-х годов XX века» посвящен выявлению отличительных черт

женщины-авиатора, анализу инструментов создания ее образа, сравнению с традиционным вариантом – летчиком-мужчиной.

Гендерную идею можно сформулировать следующим образом – государство встраивает женщин в процесс социалистического труда, но рядовые мужчины, находясь на вершине общественной патриархальной пирамиды, этому противятся. Сопротивление мужчин, пренебрежение с их стороны отчетливо видно в «Записках штурмана». Унижение сопровождается главную героиню буквально с первых месяцев обучения, однако наиболее примечателен эпизод, когда уже опытный авиатор (штурман) Раскова проходит переподготовку. Инструктор не позволял летчице осуществлять полеты наравне с остальными обучающимися-мужчинами. Он решил устроить девушке проверку, она должна была сопровождать самолет, пока тот двигался до ангара. Стоит привести этот эпизод полностью: «– Будешь сопровождать самолет, держать за плоскость...

Я бежала за самолетом, что было сил. Не отставала, хотя и тяжело долго бежать по глубокому снегу в теплом полетном обмундировании. Гепнер крикнул мне с самолета:

– Становись на лыжу, чего тебе бежать!

Я встала на лыжу. Держусь руками за подкосы, самолет мчится вперед, от ветра спирает дыхание. А Гепнер гонит машину все быстрее и быстрее. Оторвет от земли, потом опять сядет, затем снова взлетит в воздух. Так мы “прорулили” некоторое время. Я уцепилась обеими руками за подкосы и продолжала стоять на лыже. С точки зрения учебной никакой необходимости в таком “упражнении” не было. Инструктору просто захотелось таким необычным способом проверить выносливость и смелость женщины-учлета. Когда он, наконец, подрулил к ангару и вылез из кабины, то увидел, что вместо щек у меня два больших круглых белых пятна. Щеки были отморожены. Инструктор сам стал оттирать мне щеки снегом и приговаривал:

– Молодчина, будет из тебя летчик!».

Инструктор устраивает Раковой откровенно жестокое и опасное испытание, только после этого признает ее право стать летчиком. Изначальное отрицание равенства полов мужчиной очевидно.

Женщина в небе не становится эквивалентной мужчине, потому что дополнительные функции жены и матери делают её менее полноценным участником социалистического строительства, что, однако, не мешает ей быть членом большой сталинской семьи на правах любящей дочери, образ Вождя в женском тексте подчеркнуто эротизирован.

Третья глава «Тексты авиационной тематики как инструмент колониальных практик СССР: структурирование пространства» посвящена анализу текстов авиационной тематики как инструмента колониальных практик СССР. Авиация как социальная практика – это, прежде всего, освоение до того неизведанных пространств. Популяризация авиационной темы в литературе и публицистике связана с желанием Советского государства словесно закрепить за собой небо как в умах советских людей, так и в умах представителей западных стран.

В третьей главе рассмотрены взаимосвязи авиационного дискурса и выстраивания территориальных моделей в литературе и публицистике 1930-х годов. Колонизации подвергается не только географическое пространство, но и тело летчика, которое в процессе колонизации приобретает пространственные черты, будучи «захваченным» государством, подобно северным территориям. Глава логически разделена на три параграфа. **В первом параграфе** «"Внутренняя колонизация" через призму авиационного дискурса» в центре внимания находится топос Северного полюса, анализируемый через призму авиационного дискурса. Сделан вывод о ментальном присвоении пространства, происходящем благодаря репрезентации значимых событий: беспосадочных перелетов через Северный полюс, спасению челюскинцев.

Логическим выводом из **второго параграфа** «Функции образа летчика в "колониальной" литературе 30-х годов» является то, что авиатор в колониальной литературе обретает функцию пророка – он говорит о

фантастическом будущем, воплощаемом в жизнь, к прочим присовокупляется функция автора – носителя слова. М. Водопьянов становится создателем повести об освоении Северного полюса, таким образом, соединяет в себе функции и реального проводника, и повествователя. Остается актуальной и функция вестника, паломника и спасителя (спасение челюскинцев, установление рекордов, написание книг о собственных достижениях для приобщения читателя к этим достижениям).

Третий параграф «"Колонизация тела" летчика как репрезентация модернизации» посвящен феномену захвата тела летчика государством. Явление рассмотрено в неомарксистской парадигме через призму преодоления отчуждения от продукта собственного труда.

Появление средств преодоления стихии влечет за собой новые концепции отношений человека и машины. В 1910-е годы процесс начинается – появляются первые аэропланы, репрезентируемые как неизвестное и враждебное, в 1920-е звучат громкие призывы к уподоблению человека машине, в 1930-е вопрос снимается – положительный герой подобен машине, он может не есть, не спать, непрерывно работать. Слияние с техникой становится одним из ключевых моментов самоколонизации.

В **Заключении** изложены выводы и обозначены перспективы исследования. Авиационный дискурс проходит за первые десятилетия XX века три этапа семиотизации, в каждом из которых происходит трансформация того или иного элемента дискурса, либо приращение дополнительного смысла к самому дискурсу, к традиционным культурным кодам. В работе впервые проанализирована в дискурсивном ключе тема, ранее не становившаяся предметом самостоятельного анализа, хотя авиатекст – один из центральных элементов раннесоветской культуры в целом.

Перспективой исследования является анализ трансформации авиационного дискурса в рамках более поздних периодов советской и постсоветской истории и культуры (1940-е, 1950-1960-е, 1970-1980-е, 1990-2000-е). Рассмотрение авиационного дискурса времен Великой

отечественной войны может стать темой отдельного серьезного исследования в силу значимости событий и важности роли авиации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Zagidulina, Tatiana A. Novel “Moskva-kva-kva” by V. Aksyonov / Tatiana A. Zagidulina // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Science. - № 3, 2018, P. 499-510. 1,27 п.л.

2. Загидулина, Т.А. Образ летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов / Т.А. Загидулина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – №1, 2018. – С.89-92. 0,35 п.л.

3. Загидулина, Т.А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического подхода / Т.А. Загидулина // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2017. — № 1 (39). — С. 189-193. 0.5 п.л.

4. Загидулина, Т.А. Образ летчика и его функции в детской литературе 1920-х годов (на материале повести К. Минаева «Летуны») / Т.А. Загидулина // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 9. – С. 185 – 193. 0,92 п.л.

5. Zagidulina, Tatiana A. Transformation of Corporal Communication between Pilot and Machine in Russian Literature of 20th century / Tatiana A. Zagidulina // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Science. - 2016 – № 5 (9).– P. 1081-1088. 0,81 п.л.

6. Загидулина, Т.А. «Сталинские соколы» – орнитологическая метафора в авиационном дискурсе как инструмент конструирования политического мифа / Т.А. Загидулина // Политическая лингвистика, 2016. – № 4 (58). – С. 176-179. 0,35 п.л

Другие публикации:

7. Загидулина, Т.А. Образ летчика в сатирической литературе 30-х годов (на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок») / Т.А. Загидулина // Сибирский филологический форум. – № 2, 2018. – С.49-56. 0,81 п.л.

8. Загидулина, Т.А. Гностические основания деконструкции соцреалистических архетипов в романе В. Аксенова «Москва-ква-ква» / Т.А. Загидулина // Сибирский филологический форум. – № 1, 2018. – С. 11-24. 1,5 п.л.

9. Загидулина, Т.А. Авиационный дискурс как инструмент колониальных практик СССР (30-е гг. XX века) / Т. Загидулина // Международная конференция: Язык, речь, действительность. – Ереван: «Арман Асмангулян», 2017. – С. 365-373. 0,92 п.л.

10. Загидулина, Т.А. Телесные взаимосвязи авиатора и машины в русской литературе 10-20-х годов XX века / Т. Загидулина // XVIII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «1917-2017: уроки столетия». – Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2017. – С. 388-396. 0,92 п.л.

11. Загидулина, Т.А. Субъект-объектные взаимоотношения человека и машины в текстах авиационной тематики / Т.А. Загидулина // Материалы 54-ой Международной студенческой конференции МНСК-2015: Литературоведение. - Новосибирск. – 2015. – С.46-53.

12. Загидулина, Т.А. Семантический потенциал зооморфных и антропоморфных метафор в литературе XX века: два мифа / Т.А. Загидулина // Язык и культура этноса: материалы Международной научно-практической

конференции. - Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск. – 2015. – С.46-53. 0,46 п.л.

13. Загидулина, Т.А. Происхождение мифологемы «Все выше, и выше, и выше!». Основные мотивные комплексы / Т.А. Загидулина // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых. – Вып. 16 : в 2 т. – Т. 1: Лингвистика. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 262-266.